

ВОЖДИЗМ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

В обсуждении приняли участие академик Российской академии наук, директор Института философии РАН А.А.Гусейнов, доктор философских наук, профессор, проректор по научной и издательской работе, директор Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета В.А.Луков. Ведет «круглый стол» доктор философских наук, профессор П.С.Гуревич.

Гуревич П. В феврале-марте 40 года римский император Калигула стал готовиться к походу в Британию. По различным оценкам, было собрано от 200 до 250 тысяч солдат. Однако войска, достигнув побережья Ла-Манш, встали, осадные и метательные машины были установлены вдоль берега. Но вместо боевого приказа Калигула отдал распоряжение собирать в шлемы раковины и ракушки как «дар океана». Так ли было на самом деле? Про сумасбродство Калигулы было написано немало. Альбер Камю в пьесе «Калигула» показал, как абсолютная власть развращает вождя. Калигула спит с женами сенаторов и наслаждается унижением их мужей. Они при этом вынуждены делать вид, что они его обожают. Тиран казнит одного за другим, а те, кто пока остались в живых, вынуждены смеяться и шутить. Калигула требует абсолютной власти. Камю вкладывает в его уста слова: «Я хочу Луну».

Тема вождизма казалась исчерпанной после Второй мировой войны, когда философы и политики приступили к разностороннему анализу феномена тоталитаризма. Работы Т.Адорно, Э.Фромма, Х.Арендт, К.Ясперса дали разностороннюю экспертизу своеволия и самодурства вождей. Эрих Фромм писал: «Калигула служит иллюзии всевластия, которое переступает через границы человеческого существования».

Однако в начале нового столетия тема неограниченной власти снова стала актуальной. Лидер «новых философов» во Франции Андре Глюксманн усмотрел истоки тиранства в немецкой классической философии. Он писал о том, что еще в первой половине XIX в. Гейне грозил французам: «Берегитесь наших философов! Учения их произвели на свет революционные силы, которые ждут лишь момента, чтобы взорваться и наполнить мир ужасом и восхищением». Сходные мысли Глюксманн находит у Фихте, Гегеля, Шеллинга, Маркса, Ницше. Революционеры и тираны последующего века, по его мнению, лишь «коммивояжеры» немецкой философии.

Предлагается обсудить следующие вопросы:

1. Может ли в наши дни появиться тиран такого же масштаба, как Калигула или Гитлер?
2. Как выглядит вождизм в современном мире? Можно ли анализировать его в русле психопатологии?
3. Верно ли, что из трех персонажей социального управления — консерватора, ученого и харизматика — современный мир остановил свой выбор на последнем?

4. Какое влияние оказал мировой кризис на тему вождизма? Можно ли полагать, что политическая тирания вырастает на базе авторитарных философских идей?

Может ли в наши дни появиться тиран такого же масштаба, как Калигула или Гитлер?

Луков В. Насчет «коммивояжеров» немецкой философии. В самом деле, у Шеллинга в письме Гегелю (21.07.1795 года) читаем: «Конечно, друг мой, революция, которую должна вызвать философия, еще далека. Большинство из тех, кто, казалось, хотели ей способствовать, теперь со страхом отступают. Этого они не ждали!». Это очень в духе того времени. Философия и революция тут даже не близнецы-братья: философия идет дальше, чем революционеры. Однако по первому вопросу. Раз в один ряд поставлены Калигула и Гитлер, приведу пример из истории Второй мировой войны — как некую параллель к примеру о «сборе камешков». 24 мая 1940 г. (и даже год 40-й!) армия Гудериана, гнавшая англичан к морю и поставившая их на грань полного поражения, неожиданно получила приказ Гитлера прекратить поход на Дюнкерк — последний порт, остававшийся в руках англичан. Не будь этого приказа, Великобритания была бы вынуждена капитулировать, но обстоятельства этого «чудесного спасения» почти 340 тысяч англичан и французов остаются неизвестными.

Гуревич П. С тираном всегда связаны разного рода небылицы.

Луков В. Пример, который я привел, иллюстрирует не «сумасбродство» тирана. Возможно, и о приказах Калигулы мы слишком мало знаем, чтобы понять их замысел (есть и совсем иная трактовка приказа о «сборе камешков», где «камешки» — малые суда для переправы через водную преграду). Римский мир вообще предстает перед нами как серия анекдотов. Собственно, не только перед нами. Новое время уже оценивает римский «вождизм» сквозь призму символических событий и высказываний, не обязательно имевших место на самом деле. У немецкого философа Готфрида Лейбница в «Новых опытах о человеческом разумении» находим: «Есть люди, похожие на императора, Гонория, который, когда ему сообщили о гибели Рима, подумал, что речь идет о его курице, носившей то же имя, и это огорчило его больше, чем действительное событие».

Гуревич П. Итак, условимся, не будем сводить тему, ради обсуждения которой собрались, к разного рода пикантностям вроде безумства тиранов.

Гусейнов А. Я согласен с профессором Луковым, если я его правильно понял, что понятия вождя, вождизма нельзя связывать с сумасбродством, распущенностью и прочими проявлениями личной и бытовой вседозволенности. Разумеется, такого рода деформации могут быть и были свойственны людям, которые имели в истории статус вождей. Но они не специфичны для них и даже в их случае менее ярко выражены, чем в случае других категорий людей. Давайте сравним по этому критерию образы жизни, например, Робеспьера и Руссо, или Ленина и Владимира Сергеевича Соловьева.

Мы увидим, что первые, вожди, были людьми более сдержанными, аскетичными, чем вторые, философы. Также неверно полагать, будто власть вождя опирается на личную преданность, что свойственно скорее монархическому типу правления. Конечно, вождя не бывает без культа его личности, предполагающего обожание, даже обожествление вождя, точно так же, как беспрекословное подчинение его воле. Однако это не личная преданность, ибо она опосредована идеей, которая одинаково дорога и вождю, и тем, кто ему предан. Разница только в том, что в личности вождя она воплощена более полно и, как считается, безошибочно.

Луков В. Мне кажется, что Теодор Адорно с его темой авторитарной личности, Ханна Арендт, которая сосредоточилась на характеристиках тоталитаризма, придали этому понятию черты почти демонические. Вождизм для них очевидное зло, патология, поскольку не вписывается в концепцию западной демократии. Так рисуют вождизм и современные работы по политическим наукам. Вождизм толкуется нередко как властный институт, свойственный патриархально-родовым и раннефеодальным обществам Востока и Африки, основанный на личном господстве (влиянии) военного или религиозного руководителя. Небезынтересно, что вождизм обозначается как патриархальное социальное явление, которое встречается на стадии обществ с доклассовыми механизмами власти, а его наиболее зрелые формы усматриваются в «восточном деспотизме».

Гусейнов А. Представление, будто интересующий нас феномен связан с архаическими структурами отношений между людьми, отсталостью, необразованностью масс, является широко распространенным предрассудком. Отношения «вождь и массы» действительно предполагают некоторый род ослепления. При этом на обоих полюсах: вождь склонен рассматривать себя и свою деятельность как призвание, миссию, отношение массы к вождю базируется на вере в его избранность, непогрешимость. Неверно думать, будто такого рода ослепление — удел темных неразвитых эпох. Вряд ли можно замыкать феномен вождизма на какую-то эпоху и рассматривать его как социологически закономерное явление. Вождь — явление однократное, каждый раз единственное. Вождь, как правило, не имеет продолжения. Монархи следуют за монархами, президенты следуют за президентами, правители за правителями. Но вожди за вождями не следуют. Даже двух подряд не бывает. Правда, за Лениным непосредственно шел Сталин, но их можно рассматривать как одно целое, что, впрочем, последний хорошо понимал и с пользой для себя подчеркивал («Сталин — это Ленин сегодня»).

Гуревич П. Согласен, нет оснований рассматривать вождизм как социологически закономерное явление. Но мы знаем, что любой социальный феномен, претендующий на предельную самобытность, может повториться в истории в варианте карикатурном, в виде фарса. Валерий Андреевич, философы, которых вы назвали, Теодор Адорно, Ханна Арендт, добавим к их числу Эриха Фромма, Карен Хорни, Эрика Эриксона, в значительной степени демонизировали тоталитаризм. Но, хочу возразить вам, они проделали также гигантскую, типологически эффективную интеллектуальную работу. Карл

Ясперс больше внимания уделил современному тоталитаризму, не связанному с патриархальностью. Вряд ли стоило нам собраться вместе только для того, чтобы защитить тоталитаризм от односторонней оценки, от поверхностного очернительства. Оценки тоталитаризма, сложившиеся после Второй мировой войны, и те, что были вызваны к жизни в конце минувшего века, далеко не во всем совпадают. Тема волнует не только политиков, но и философов разных поколений. Производя запоздалые окончательные расчеты с тоталитаризмом, философы не обратили внимания на радикальный рост авторитарных упований, который оказался столь характерным для современной политической практики.

Луков В. Могу согласиться, что тема обрела неожиданную актуальность. Но ее следует освободить от политических спекуляций. Нам приходится соприкасаться с фальсифицированной историей, искаженной политическими мотивами. Ведь так бывало — в летописях счищались целые страницы записи, а на их место вписывались совсем другие тексты.

Гуревич П. Постоянные социальные потрясения, связанные с войной, кризисом, политическими катаклизмами, привели к тому, что стабильность стала чрезвычайно востребованной в системе ценностных ориентаций людей разных стран. Население разных континентов, тоскуя по элементарной защищенности от превратностей политики, склонялось к мысли о том, что даже плохая власть лучше, чем хаос и беспорядок. В этом особенно безоговорочно убедились жители современной Киргизии.

Луков В. Мы должны отделить авторитарность от тоталитаризма. Тоска по сильной власти, по авторитарности заметна в общественном сознании. Это вождизм, но не тоталитаризм.

Гуревич П. Конечно, с тоталитаризмом, в отличие от авторитарности, связывают по крайней мере два социологически выверенных признака: массовые преступления по отношению к народу, геноцид и тотальный идеологический контроль, диктат единомыслия.

Гусейнов А. Вождь — явление индивидуальное. Может сложиться впечатление, что все зависит от появления человека, способного стать вождем. Говорят: «короля играет свита». Еще более это относится к вождю, который нуждается в больших массах людей, готовых поверить ему и пойти за ним. Надо, чтобы одно совпало с другим, чтобы с появлением человека, способного стать во главе какого-то движения, возникла массовая потребность идти в этом направлении. Раз объявившись, встретившись между собой, вождь и массы оказываются закольцованными: они взаимно питают друг друга, выступают по отношению друг к другу и как причина, и как следствие. Но чтобы они могли взаимодействовать, они должны возникнуть, и должно существовать что-то третье, что порождает и вождя, и массы. Таким третьим, на мой взгляд, является особая историческая ситуация в жизни народа и общества, которая складывается при переходе от одного социального качества к другому. Для нее характерен кризис привычных форм жизни и жизнедеятельности, регулятивных механизмов социума, деградация в хаос и варварство, сопровождающаяся резким ухудшением условий жизни. Замечательное описание одной из таких ситуаций, под названием революционной, мы находим у В.И. Ленина («низы»

не хотят, «верхи» не могут жить по-старому; резко обостряется бедственное положение угнетенных классов; повышается активность масс). Характерный признак исторической ситуации, создающей конструкцию вождя и масс, — необходимость рывка, напряжения, экстраординарных усилий для того, чтобы выйти из нее. В состав таких усилий входят столь решительные действия, которые попирают моральные критерии и, рассмотренные сами по себе, являются преступными, которые не удастся даже камуфлировать под законные. Вожди, как правило, — люди, способные на такие действия, и в этом смысле их можно считать также тиранами, имея в виду идущий от античности смысл данного понятия.

Гуревич П. В вашей характеристике вождизма есть весьма значимый, на мой взгляд, момент, который можно рассматривать как новизну в сравнении с социальной теорией европейских философов после Второй мировой войны. Известно, что оценка нацизма и сталинизма (понятно, что это разные режимы) шла в Европе и в нашей стране по сходным этапам. Как цивилизованные страны допустили тоталитаризм? Первая версия — чисто психологическая. Индивидуальность такого вождя, как Гитлер, в его патологической психологической структуре: он просто сумасшедший. Но дальше в социальной литературе возник правомерный вопрос — как сумасшедший мог оказаться во главе государства? Сложилась социальная версия. Адорно пытается найти разгадку в появлении нового антропологического персонажа — авторитарной личности. Вождя вскормила определенная социальная среда. Вождь обманул толпу. Наконец, появляется концепция Эрика Эриксона. Никто никого не обманывал. Массы сами хотели быть обманутыми. Чего недостает этой череде концепций? Соединения всех этих подходов и четкое осознание проблемы, о которой сказал Салам Керимович — анализа самой исторической ситуации. Сегодня можно указать на лидера той или иной страны, на диагностику общественного сознания, которое хочет быть обманутым. Но до фанатичного лидерства еще далеко. Историческая ситуация не позволяет обозначиться вождизму.

Гусейнов А. Тема вождя и вождизма очень неопределенная и по составу охватываемых ею явлений, и по их ценностному смыслу. В моем представлении она объединяла имена и события, которые выделяются по силе индивидуального воздействия на исторический процесс и всегда связаны с конкретными лицами. Что касается направленности этого воздействия, то оно может быть разным — и разрушительным, и созидательным, чаще всего сочетающим и то, и другое в разной пропорции. На вопрос, что может появиться в наши дни, а что нет, я бы ответил так: вообще ничего из того, что когда-то существовало в истории, не исчезает, остается как минимум в виде потенциальной угрозы. Это относится и к тирании. Опасность социально-исторических кризисов, чреватых тираническими мутациями, также никуда не исчезла, если только не возросла. А масштабы? Они могут быть и больше, и страшней того, что было в прошлом, настолько же больше и страшней, насколько больше производительные возможности и человеческие массы современных обществ.

Луков В. Если задаваться вопросом о возможном супертиране в XXI веке, то искать, думаю, надо не среди фигур, напоминающих африканских племенных вождей или восточных деспотов, а среди людей вполне интеллигентных, получивших образование в лучших университетах мира, возможно, рисующих на досуге пейзажи... Не будем забывать, что такой монстр XX века, как Муссолини, учился в Лозаннском университете и вероятнее всего — у классика социологии и экономической теории Вильфредо Парето. Да и разве только в сфере политики может появиться супертиран? Но это уже относится ко второму вопросу, сформулированному Павлом Семеновичем.

Гуревич П. Среди политиков и философов есть авторы, которые считают, что такие исторические эксцессы, как нацизм, тоталитаризм, уже невозможны в начале нашего века. Они критикуют разного рода истерические кампании, цель которых отыскать очередное исчадие ада, «второго Гитлера». При этом отмечают, что так без особых оснований называли Милошевича, Хусейна, а теперь Ахмадинежада. Путин перед поездкой в Париж дал интервью французским журналистам. На вопрос, нет ли в нашей стране «культ личности» его как политика, ответил: в нашей стране граждане хорошо знают, что культ личности — это не только внимание к одной персоне, это массовые нарушения закона, репрессии. Я даже в страшном сне не могу представить, что в сегодняшней России это может повториться», — сказал он. Путин также добавил: зрелость сегодняшнего российского общества достаточна, чтобы не позволить развиваться тем процессам, с которыми мы столкнулись в 30, 40, 50-е годы прошлого столетия.

Луков В. Хотелось бы понять сущность современного вождизма. Можно согласиться с тем, что он иной, нежели тот, о котором писали Х. Арендт, Э. Фромм, К. Ясперс. Возможно, зрелость современного сознания исключает культ личности. Однако авторитарное сознание выглядывает из всех окон, прорастает повсеместно. Вот детям в Петербурге вручают брошюру, в которой слова молитвы: «Господи, Боже, Великий Царю, Безначальный, пошли Господи Архангела Твоего Михаила на помощь рабам Своим Дмитрию и Владимиру изъяти их от врагов видимых и невидимых...». Господу помолимся — это из прошлого. «Господам помолимся» — это наши дни.

Гуревич П. Примеров масса. Губернатор благодарит Путина за помощь в открытии новой церкви в регионе и произносит слова, которые украсили бы и Салтыкова-Щедрина: «С вашей божьей помощью...». По всем опросам, в России чуть ли не половина населения поддерживает Сталина. Туркменбаши, устанавливающий средневековые порядки... Немыслимые титулы таджикского вождя Эмомали Рахмонова.

Луков В. Александр Лукашенко на официальный прием Ильхама Алиева с супругой явился со своим пятилетним сыном и наследником. Конечно, это не лошадь Калигулы в сенате, но все-таки нарушение протокола цивилизованных правил. Коленка вместе с папой принимает военный парад, участвует в межгосударственных переговорах. Батяка временами становится похож на восточного деспота.

Гуревич П. Нурсултан Назарбаев отказался от титула «Лидер нации», который ему предложили казахстанские чиновники. Пишут, что он сдал экзамен на политическую адекватность. Он доказал, что статус лидера нации нельзя обрести лишь на основе буквы закона и других правовых актов. Однако Назарбаев, который фактически является лидером нации, не проявил настойчивости в пресечении данной инициативы. Он все-таки стал «елбасы». Эта тенденция не только озадачивает, но и свидетельствует о новой политической реальности.

Луков В. Создается впечатление, что принципы фюрерства, в новой, конечно, форме вновь приобретают реальность в политической жизни. На этом фоне опять возрождается интерес к фигуре Гитлера. Речь, разумеется, идет не об Э.Лимонове, который откровенно славит фюрера. Число сторонников Гитлера растет не только в Пакистане, Индии, но и в других странах. Для мирового сообщества сегодня Иран оказывается не меньшей проблемой, чем Гитлер к концу 1930-х годов. Это государство восстанавливает свои утраченные позиции. Ведь оно когда-то было империей. В ту пору, как отмечают эксперты, нынешних политических игроков на карте не было. Тогда был Китай, Израиль и Иран. А уж кроме арабского населения в Заливе не было никого. Все это важно для исторической памяти Ирана. Сегодня это государство успешно осуществляет модернизацию. Оно имеет солидное инженерно-техническое оснащение, располагает сильной военной промышленностью. Немаловажно также, что нынешнее руководство Ирана обладает солидной идеологизированностью.

Гуревич П. Путин говорил о зрелости общественного сознания, которое является гарантом недопущения тоталитаризма. Но нельзя ли поставить вопрос иначе? Может быть, дело даже не в зрелости общественного сознания, а в слабости харизматиков. Мягкий авторитарный режим может и был неизбежен. Но он уже сыграл свою историческую роль. Ощущение перемен есть и это чувствуют политически активные люди. Однако правы ли те эксперты, которые считают, что все может измениться в сторону откровенной жестокой национал-социалистической диктатуры?

Как выглядит вождизм в современном мире? Можно ли анализировать его в русле психопатологии?

Гусейнов А. Авторитарно-диктаторские политические конструкции, конечно, всегда свидетельствуют об определенной незрелости общества и гражданского сознания. Это, однако, не значит, что они могут возникнуть на любом уровне отсталости общества. Бывают общественные сознания, про которые можно сказать, что они недостаточно развиты, зрелы для авторитаризма с сильной вождистски ориентированной личностью во главе. Похоже, нечто подобное можно сказать про сегодняшнюю Россию. Раздробленность общества, моральная дезориентированность населения в сочетании с коррумпированностью государственного аппарата, непрозрачные и неделовые схемы подбора кадров, связь властных структур с крупным

капиталом — все это говорит о том, что что-либо похожее на вождизм, «народную» диктатуру у нас сегодня невозможны, даже если бы нашелся человек, который по своим качествам подходил бы для роли вождя или желал бы быть таковым. Как ни парадоксально звучит, но до авторитаризма еще надо дорасти. Отсутствие авторитаризма (вождизма) в обществе, которое не доросло до него, совсем иное дело, чем отсутствие авторитаризма (вождизма) в обществе, которое его переросло. В первом случае сохраняется опасность не просто вождизма (она сохраняется и во втором случае), а худшей формы вождизма, замешанного на реакционных идеях и примитивных инстинктах. Ксенофобские акции некоторых групп национально ориентированной молодежи, их увлечения фашистской символикой, тоска по сильной руке сталинского типа — это опасные симптомы.

Луков В. Да, такие режимы не требуют особых рациональных доказательств или целерационального закрепления правовыми средствами. Здесь есть некая параллель пресловутой армейской дедовщине. В своей основе она порождена военной обстановкой, когда полное доверие старшему, более опытному воину, беспрекословное выполнение его приказа в ситуации смертельной опасности может спасти если не всех, то многих и обеспечить победу. Такие отношения полного подчинения новичков старослужащим превращаются в дедовщину, в бич современной армии (не только российской) тогда, когда армия не воюет слишком долго для того, чтобы сохранить действительный смысл боевого братства, когда неформальный институт самосохранения личного состава (как говорят в армии) деформируется и становится своей противоположностью.

Гуревич П. Но ведь то же самое происходит в любом коллективе, который не обрел четкой структуры. В тюремной камере немедленно обозначается пахан. Между прочим, пытались, укрепляя власть руководителей тюрем, изъять из каждой камеры «деда» («пахана»). Однако вместо того, кто был забран, появлялся другой лидер. Это своеобразная закономерность власти.

Луков В. Так вот в силу этого вождь времен римских императоров и римский император — по большей части одно и то же лицо. Юлий Цезарь — победоносный полководец, ведущий войска на поле боя. И даже «наш злодей» Калигула не исключение. Его еще ребенком брал в свои военные кампании против германцев отец Германик. И прозвище его — из тех же походов («калигула» — уменьшительное от «калига», армейский сапог). Став императором, Калигула организовал германский поход, в который отправился вместе с сестрами. Перейдя через Альпы, в районе Среднего Рейна он начал боевые действия. Его неофициальные титулы «Сын лагеря» и «Отец войска» также свидетельствовали о значении для римского общества того времени военных действий под управлением императора. Насколько Калигула, не доживший до 30 лет и правивший лишь четыре года, больший тиран, чем его предшественники и преемники в том же титуле, — остается вопросом. Нам известен преимущественно литературный образ, правда, очень впечатляющий и ставший культурной константой.

Гуревич П. Вы хотите сказать, что авторитарные тенденции в прошлом, как и в наши дни — результат предельной мобилизационной готовности? Правильно я вас понял?

Луков В. Понятное дело, что вождизм, подобно дедовщине, в условиях противостояния и неопределенности исхода, когда наличного ресурса для победы может не хватить, и нужна высокая концентрация энергии и самоотвержения, чтобы одолеть врага, раскрывает свои мобилизационные свойства. Это не только войны касается. Точно так же вождизм свойствен революционному подполью, сектам, другим объединениям, которые подавляются несоизмеримыми силами и могут рассчитывать на успех своего дела, если центростремительные силы сильнее центробежных, а центр — вождь.

Гуревич П. Ну и как в отношении дедовщины в современном мире?

Луков В. Скажу об этом. Но сначала о небольших (относительно небольших) сообществах, в которых личные качества вождя становятся особенно важными для успеха дела. И не всякие, а те, которые обеспечивают жизнеспособность организации. В этом плане интересна оценка Лениным Августа Бебеля в качестве вождя немецкой социалдемократии. После принятия бисмарковского исключительного закона против социалистов в партии нарастал оппортунизм, и в этих сложных условиях Бебель, говорит Ленин, «проявил себя настоящим вождем партии». И первое, что здесь важно: Бебель «вовремя увидел опасность». Второе — он «понял правильность критики Маркса и Энгельса». Третье — он «сумел направить партию на путь непримиримой борьбы». Второй пункт несет на себе следы конкретной ситуации, но если его обобщить до умения прислушиваться к критике, идущей от «своих», то получается своего рода свод интеллектуальных и волевых качеств, делающих из имярек партийного вождя.

Гуревич П. Но ведь в современном мире едва ли не все страны находятся в состоянии чуть ли не предельной мобилизационной готовности. Не только, скажем, Иран, но и Греция, например. Можно ли видеть в ваших рассуждениях неизбежность авторитарности? Есть лидер, а есть вождь, и это не одно и то же.

Луков В. Проблему нельзя отделять от личных свойств вождей и от специфики вождизма. Воспользуюсь характеристикой, которую Троцкий дал Ленину, описывая ситуацию, когда тому незадолго до революции 1917 года пришлось напрямую обращаться в парторганизации, минуя ЦК, где царил разноголосица и неуверенность в главном вопросе: когда брать власть и брать ли ее вообще. Троцкий в «Истории русской революции» писал: «Предоктябрьские колебания меньше всего могли при этих условиях застигнуть Ленина врасплох. Он заранее оказался вооружен зоркой подозрительностью, подстерегал тревожные симптомы, исходил из худших предположений и считал более целесообразным лишиться раз нажать, чем проявить снисходительность». Эту «зоркую подозрительность» и вытекающие из нее действия мы без труда найдем у вождей всех уровней, всех народов, всех культурных ареалов.

Гуревич П. Как же эта зоркость перерастает в культ политика?

Луков В. «Оборотная сторона» вождизма, истекающая из неперменного свойства вождей — их уверенности в своей правоте, состоит в очевидной для посторонних наблюдателей нескромности вождей, достигающей масштабов обожествления. На расстоянии эти действия, инициаторами которых часто являются сами вожди, а часто их клеветы, но всегда при попустительстве первых, исходящих из того, что это не столько им нужно, сколько народу, массам, рядовым и т. д., — так вот, на расстоянии это все иногда кажется смехотворным, нелепым. Тот же Троцкий — яркий пример того, как насаждался культ его личности в армии. Его биография была вмонтирована даже в воинский устав! В 1922 году в §41 политического устава Красной Армии была помещена политическая биография Троцкого, которая заканчивалась словами: «Тов. Троцкий — вождь и организатор Красной Армии. Стоя во главе Красной Армии, тов. Троцкий ведет ее к победе над всеми врагами Советской республики». Анекдот да и только, если бы не санкции к несогласным, не репрессии, не казни. Считать, что Сталин в конструировании культа своей личности был новатором, был уникален и неповторим, нет никаких оснований. Непомерное возвеличивание и даже обожествление вождя — неперменный атрибут вождизма, разве что проявляется он с разной степенью очевидности.

Гуревич П. Личные качества, разумеется, значимы. Но ведь про императора Марка Аврелия можно сказать: он лидер, мудрец, но не вождь.

Луков В. Разумеется, люди с определенными свойствами личности — сильной волей, низким уровнем самокритичности, склонные к риску имеют больше шансов стать вождями. Но это путь с двусторонним движением. Мало того, чтобы кто-то захотел стать вождем. Нужны еще те, кто бы признал такого лидера вождем, стал бы его восхвалять, обожествлять.

Гуревич П. Вождизм немыслим без идеологии. В последние годы и уже десятилетия в нашей стране постоянно возникает очередная установка на национальную идею. Недавно по третьей программе отечественного телевидения шел спор о ее неизбежности.

Гусейнов А. Философия и политика накрепко завязаны друг на друга. Но эта связь может иметь не только взаимообогащающие и продуктивные формы. Интересен вопрос о том, существуют ли такие особенности философии, которые могут провоцировать политический волюнтаризм, и не то, чтобы провоцировать, а быть легко использованы для обоснования политических злоупотреблений. Я мог бы указать на несколько таких моментов. Прежде всего, это тотальность философского мышления, выражающаяся в стремлении свести многообразие мира к единой основе. Нельзя ли здесь усмотреть гносеологические корни политического тоталитаризма? Далее, можно было бы назвать многозначность философских понятий и идей, которые ценны и адекватны именно в своей диалектической многозначности и единстве переливающихся смыслов. Любое одностороннее их истолкование в политических целях является искажением и может быть использовано в качестве демагогического прикрытия этих целей. Можно указать еще на один аспект. Философское осмысление мира предполагает конструирование его

идеально-завершенного образа — такого его состояния, которое находится по ту сторону добра и зла, по ту сторону отравляющих человеческое существование страданий и ограничений. Это может провоцировать политическое поведение, попирающее моральные и правовые нормы, и по-своему служить его оправданием (разумеется, совершенно иллюзорным). Речь идет о свойственном политическим узурпаторам самообмане, что цель оправдывает средства.

Гуревич П. Хотя у философов звучало такое предостережение. У Канта, к примеру.

Гусейнов А. Формула «цель оправдывает средства» не имеет, как это часто полагают, однозначно негативного истолкования. Ее нельзя читать так, будто высокие цели оправдывают любые, в том числе самые отвратительные средства. Это типичный случай злоупотребления философской афористикой. На самом деле более верно ее понимать иначе, а именно: цель сковывает, ограничивает средства, или, говоря по-другому, средства должны быть адекватны целям. Сошлюсь на один эпизод из истории политико-интеллектуальных споров. При обсуждении статьи Троцкого «Их мораль и наша», в которой тот оправдывал классовую борьбу пролетариата со всеми ее жестокостями, включая расстрелы заложников в ходе гражданской войны, ссылкой на формулу, что высокая цель построения общества без эксплуатации оправдывает такие бесчеловечные средства, Джон Дьюи, возражая ему, заметил, что на самом деле Троцкий возводит классовую борьбу в принцип деятельности, как если бы она сама была целью. Тем самым он отступает от формулы «цель оправдывает средства», последовательность следования которой как раз требовала бы, чтобы разные формы классовой борьбы были проанализированы на предмет их соответствии заявленной цели. Когда говорят о злоупотреблении властью по формуле «цель оправдывает средства», обычно ссылаются на Макиавелли. Он действительно полагает, что государь, на ком лежит ответственность за целое государство, за защиту его свободы и безопасности, не должен останавливаться перед обманом, жестокостью, скупостью. Способность перейти черту, отделяющую добродетель от порока, является необходимым признаком успешного правителя. Однако и в этом случае следует заметить, что, теоретически санкционируя право государя на морально недопустимые действия, их злодеяния, Макиавелли продолжает называть их недопустимыми действиями, злодеяниями. Моральные пороки и преступления не перестают быть моральными пороками и преступлениями из-за их включенности в контекст успешной политики. Государь должен идти на них с открытыми глазами, сознавая, что он делает нечто такое, что запрещено моралью и само по себе не делает ему чести. Отсюда — следующее важное уточнение: государь должен применять недостойные средства в минимально необходимых размерах, руководствуясь логикой наименьшего зла. Его установка — не на то, чтобы культивировать эти средства, а на то, чтобы делать это как можно реже и меньше.

Гуревич П. Философия указывает на возможность такой соразмерности, идеально выверенного курса, а политическая практика зачастую

опровергает ее. Создавая политический портрет 289го президента США Томаса Вильсона, Фрейд пришел к выводу, что глупцы, мечтатели, страдающие от иллюзий, невротики и лунатики во все времена играли громадную роль в истории человечества. Великие достижения, писал он, столь часто совершаются людьми с психическими отклонениями, что невольно испытываешь искушение предполагать, что они неотделимы друг от друга. В американской и европейской философской литературе сегодня огромный поток исследований, которые трудно отнести к политической философии. Это, скорее, политическая психопатология. Но речь идет уже не о психологии толпы, не о патологическом поведении электората, но и об известных политиках. Описывается их тяжелое детство, психологические травмы, вызвавшие «волю к власти» и вытекающие из этого последствия для человечества. Общая тенденция такова: добиться успеха в политике без деструкции личностных качеств невозможно. Политика захватывает все человеческое существо без остатка, она деформирует индивидуальные свойства, заряжает сверхценными идеями. Почему политик становится искривленной личностью? Первая реакция психики на наркотик — снижение критики. От эйфории, от ощущения собственного величия, всемогущества, безграничности своих прав, которыми человек упивается на пике опьянения, невозможно, наверное, полностью вернуться назад, к трезвой и нелестливой самооценке. Соответственно, накапливается и недоброжелательность к другим, недоверчивость, подозрительность: если я, такой прекрасный, не получаю тех рукоплесканий, которых достоин, то кто же вокруг меня, как не заклятые враги? Обостренная обидчивость, уязвимость приводят к бессмысленной растрате сил. Психика регрессирует, но тоже по-особому, на более примитивный, инфантильный уровень. Описание патопсихологической личности, разумеется, имеет отношение не только к политике. Такие черты, как стремление сохранить тотальный контроль над всем, утилитарное отношение к людям, сохраняют свое значение для современных исследований патологии политической личности. Вывод: политический наркоман бесплоден...

Луков В. Лебон, провозгласивший наступление «эры толпы», утверждал, что при известных условиях — и притом только при этих условиях — собрание людей имеет совершенно новые черты, отличающиеся от тех, которые характеризуют отдельных индивидов, входящих в состав этого собрания: «Сознательная личность исчезает, причем чувства и идеи всех отдельных единиц, образующих целое, именуемое толпой, принимают одно и то же направление. Образуется коллективная душа, имеющая, конечно, временный характер, но и очень определенные черты». Он их перечисляет: импульсивность, изменчивость, раздражительность; податливость внушениям, легковерие; преувеличение и односторонность чувств; нетерпимость, авторитетность, консерватизм и т. д. Замечу: мы видим на экране точно те же реакции толпы, когда демонстрируются документальные кадры о выступлениях «Битлз» или «АББА» в самых разных по своей цивилизационной истории странах.

Гуревич П. Складывается убеждение, что те же самые феномены (выдвижение лидеров, деструктивные действия толпы, борьба за власть) можно и даже необходимо описать в терминах патологии... Шаг за шагом в стилистику политической психологии входят понятия, относящиеся преимущественно к нарушениям психологической нормы. В политике бывает так, что тот или иной деятель стремится к власти путем насилия, к братству — путем раздора, к истине — путем лжи. Возвышенная цель такого политика оказывается аморальной, потому что она основывается на зле, обмане, диктате. Когда Н.А.Бердяев называл политику наростом, высасывающим кровь из людей, то он, скорее, имел в виду негативные стороны общественной жизни, а не патопсихологию.

Луков В. Это последнее сравнение подсказывает и ответ на то, как выглядит вождизм в современном мире. Надо думать, вождизм в политике сохраняется, но зона его бытования значительно расширилась и далеко вышла за пределы политической жизни как таковой. Вождизм давным-давно вошел в арсенал корпоративного управления, собственно, всегда в нем был заметно представлен. Но одно дело средневековые корпорации, другое — корпорации наших дней. Транснациональные корпорации сегодня располагают ресурсами, превосходящими нередко даже крупнейшие страны мира. ТНК предопределяют политику государств, создают и «экономическое чудо», и всемирный финансово-экономический кризис. Очевидно, что вождизм в ТНК не менее значим, чем в государственной политике.

Гуревич П. Хотел бы обратить ваше внимание на еще один парадокс современного вождизма. Речь, как ни странно, идет о слабости власти по сравнению с известными в истории тоталитарными режимами. Вот пример: в газетах сообщалось, что деньги, которые правительство выделило для помощи семьям погибших горняков, стали отбирать бандиты. Если бы такое произошло во времена Сталина, вероятно, последовало бы немедленное вмешательство власти. Преступников изловили бы и должным образом наказали. Сегодня в газетах про эту бандитскую акцию сообщается разное. Но власть обнаруживает собственную вялость, даже неспособность решить эту проблему. Названный факт не единичен. Все чаще и чаще эксперты говорят о том, что власть бездействует, не обнаруживает своей мощи и неотвратимости.

Луков В. Что имеется в виду?

Гуревич П. Хотя бы вот что. Нынешний президент дал резкую оценку сталинизму. Казалось бы, нет оснований для идеологических кривотолков. Ведь глава государства, подчеркивая роль президента в стране, сказал: «Мои слова отлиты в граните». Однако уже на другой день по улицам шли манифестанты с портретами Сталина. Все чаще и чаще эксперты говорят о том, что власть бездействует, не обнаруживает своей мощи и неотвратимости. И в то же время власть кажется несокрушимой. Вероятно, современные средства массовой коммуникации и другие институты радикально изменили прежний статус власти. Теперь она становится необоримой. Власть в современном обществе все больше становится недостижимой. Отвечая на вопросы французских журналистов, будет ли он участвовать в выборах президента в

2012 году, премьер сказал, что эта работа ему нравится. Ближе к выборам они, мол, с Медведевым решат, кто будет баллотироваться. А сейчас они договорились до срока не суетиться. Во-первых, такая договоренность в политике ничего не означает. Во-вторых, при этом не обсуждается никакой другой претендент, кроме названных двух. В-третьих, возникает мысль о том, что участие в выборах всецело зависит от того, нравится ли Путину эта работа или нет.

Верно ли, что из трех персонажей социального управления — консерватора, ученого и харизматика — современный мир остановил свой выбор на последнем? Какую роль играют средства массовой коммуникации в укреплении власти вождей и их возвышении?

Гуревич П. Немецкий социолог М.Вебер выделил три самостоятельных типа социального управления — традицию, харизму и науку. Сам он считал, что в современном европейском мире, в конечном счете, возобладает научное управление. Традиция и харизма будут постепенно утрачивать свое значение. Социальное управление окажется в руках образованных политиков. Но оправдался ли этот прогноз? Кажется, что в нынешнем мире сложился парадоксальный замес из этих трех типов социального управления. Ничто не ушло из политической практики. Политики стремятся стать харизматиками, постоянно апеллируют к науке. В то же время необычайно возросла роль традиции в общественной жизни многих стран. Особенно рельефно эта тенденция обнаруживается в восточных странах. Традиция здесь выступает как реакция на насильственную и поспешную модернизацию, без учета культурных основоположений конкретных стран. Бакаев в Киргизии изо всех сил пытался играть роль восточного деспота, парашютируя страну в средневековье. Несменяемость и бесконтрольность президента, возрождение сословий и кланов, семейственность как незыблемый фактор передачи власти. Восстановление сословности происходит и в нашей стране. Кремлевские, как указывают эксперты, становятся все более неприкасаемыми. Северокорейский диктатор, в апартаменты которого по длинным трубам поступает лесной воздух. Постоянное стремление заполнить родственниками все руководящие должности. Готовность к немедленным военным действиям. Все это не является исключением в практике современного человечества.

Луков В. И все-таки мы видим, что авторитаризм не является специфическим феноменом азиатской ментальности. Современные вожди изо всех сил стараются стать харизматиками. В этом им помогают средства массовой информации, современные техники имиджологии. Не случайно бывший руководитель Временного правительства А.Керенский в последние десятилетия своей жизни сетовал на то, что в его время не было телевидения. Уж он бы использовал свое ораторское искусство на полную катушку. Куда там Троцкому или Ленину...

Гуревич П. Современный харизматик опирается не только на традицию. Он часто выступает во всеоружии современного научного знания.

Не случайно многие современные политики оценивают себя в качестве успешных менеджеров. Административный ресурс работает на харизму. Вождь сегодня, как и во времена Гитлера, приходит к власти демократическим путем. Политики называют Ахмадинажада иранским фюрером. Он пришел к власти через выборы. С образом Гитлера его сближает многое — он выглядит великолепным менеджером, энергичным честным человеком. А если почитать последние речи иранского руководителя, то нельзя не вспомнить «Тысячелетний рейх». Итак, современный вождь — это управленец, который пытается обрести харизму.

Луков В. В действительности харизматик может быть и консерватором, и ученым. Он выделяется в самостоятельный тип лишь тогда, когда его способность к иррациональному воздействию на людей, включая и их рациональное поведение, отделяется от профессиональных компетенций, политических взглядов, художественных вкусов и т. п. Впрочем, социальное управление на его высших уровнях и в прошлом — волей или неволей — избирало харизматика. Престолонаследник мог быть вполне заурядной личностью, но и в этом случае действовала харизма богоизбранности царского рода. Ученый на верхних ступенях социального управления мог как раньше, так и сейчас оказаться скорее в функции советника, серого кардинала, но не первого лица. Исключения были, но их немного и даже в этом случае наука была ни при чем, так распорядилась судьба. Консерватор? Его место у руля социального управления в определенных условиях совершенно оправдано и сегодня, все зависит от того, с какими вызовами столкнулось общество. Сегодняшний консерватор вовсе не ущемлен в своем отношении к инновациям, он лишь особым образом их трактует, применяя партийные лекала социальной справедливости.

Гуревич П. Консерватор может быть харизматиком. Но можно ли произвольно соединять консерватизм с инновационной революцией, как это делают лидеры «Единой России»?

Луков В. Все-таки с харизматиком вопрос сложнее. Известно, что Вольпе и другие критики выделения Вебером харизмы как особого типа лидерства, идущего от индивидуальных свойств отдельных личностей, способных повести за собой людей на эмоциональном порыве и безграничном доверии, обращали внимание на то, что отделить этот фактор от других, открывающих дорогу к власти, невозможно. И в вопросе о современном социальном управлении было бы, наверное, недостаточно идти от харизматичности первого лица. Ельцин по распространенной оценке — лидер харизматического типа, но его рейтинги в народе конца 1990-х годов ниже всякой возможности. Что за харизматический лидер, которого поддерживают всего-то 2 процента электората? Нынешние лидеры России не так чтобы и харизматичны, а их рейтинги несопоставимо выше.

Гуревич П. По остроумному замечанию одного видного эксперта, харизму на базаре не купишь.

Луков В. Возможно, аспект харизматичности фигур у власти сейчас меняется. Имидж лидера умело моделируется, здесь достижения в мировой

практике немалые. Но, может быть, мы у начала нового витка социального конструирования реальности, когда сам имидж и станет лидером, оторвется от своего прототипа и превратится в своего рода компьютерную игру, где у игрока бонусы, несколько жизней и негибкая воля к достижению цели, все равно какой. Если это так, то впереди вполне вероятно предпочтение перед любыми другими персонажами социального управления харизматика, с той лишь оговоркой, что его самого с успехом заменит его умело сконструированный (не без участия ученых) образ. Даже суггестивные свойства харизматика могут вполне технологично и рационалистически разрабатываться специалистами по социальному дизайну.

Гуревич П. Ученые говорят о том, что скоро смогут создать формулу жизни. Но жизнь остается загадочным, неподдающимся феноменом. Так и с харизмой...

Луков В. С одной стороны, власть по многим вопросам демонстрирует недостаточную мощь и политическую волю. Но в то же время кажется несокрушимой. Вероятно, современные средства массовой коммуникации и другие институты радикально изменили прежний статус власти. Она становится все менее способной меняться под воздействием общества, временами просто необоримой.

Гуревич П. Вероятно, вы имеете в виду мощный и эффективный арсенал психологических средств, позволяющих манипулировать общественным мнением. Канадский писатель и ученый Джон Ролстон Сол в недавно вышедшей книге «Ублюдки Вольтера. Диктатура разума на Западе» хорошо прослеживает эту тенденцию уже на материале конца прошлого столетия. Исток современного политиканства он видит в бонапартизме. Он отмечает, что Бонапарт понял, что власть, основанная на эффективных методах и рациональных аргументах, более абсолютна, чем та, которую когда-либо имели короли. Единственно, кто мог бы сделать эту комбинацию непреодолимой, это личность, вызывающая сильные чувства.

Луков В. Здесь важны аргументы, которые были освоены общественным мнением как позитивные черты личности самого Наполеона. Он осуществил переворот, чтобы предотвратить деспотизм. Он обещал различные привилегии в тот самый момент, когда подавлял свободу. Он в очередной раз обещал эффективность как волшебный эликсир для достижения того, что когда-то назвал «счастьем». Скорость, с которой разум стремился к национализму, поистине поразительна. Он восстановил многоступенчатую систему управления обществом в духе Людовика XIV, провозгласил себя императором, восстановил униформу и стал награждать своих приближенных титулами и соответствующими регалиями. Потом он цинично принялся раздавать огромное количество медалей, больше, чем любой другой государь. Он называл их безделушками. И он непрерывно продолжал создавать героическую мифологию о самом себе. В ее основу было положено самое блестящее и наиболее искаженное открытие: эмоциональная уловка, хитрость, обман, которым взволнованное население приковывало себя к Герою. Л.Блуа, О.Шпенглер, Ницше — все трое добиваются этого, венчая бога-Героя земной

религии с современным Героем разума. Блестящий анализ супермена, проделанный Ницше, — это просто приукрашенная версия картины самоуничтожения человека, который валяется в ногах диктатора, страдающего манией величия.

Гуревич П. В конце двадцатого столетия многие пришли к выводу, что Гитлер, а возможно, и Сталин, хотя люди на Западе часто не принимают последнего во внимание, были случайными явлениями в ходе истории. Он застал нас врасплох, но мы вовремя пришли в себя, чтобы выйти на бой с силами зла. Теперь его нет. Ужасное заблуждение. Неудивительно, что никто не хочет понять, что Гитлер прямо-таки образец современной нормы. И если ныне все еще длится Век Разума и если Гитлер — великий образец темной стороны разума, то он по сей день с нами. Большинство людей не могут признать, что человек может совершать некоторые поступки, не являясь сумасшедшим. Мы не можем признать, что зло находится в нас самих. Это — признак непоколебимого оптимизма человека и его стремления выглядеть хорошим. Поэтому мы относим создание концентрационных лагерей, укомплектование их персоналом и управление ими к категории абсолютно сумасшедших поступков. Конечно, существовали большие отклонения — как в людях, так и в режиме. Но это организованное уничтожение людей не было проявлением этих отклонений.

Луков В. История перегружена примерами уничтожения наций, городов, армий, а также уничтожения религиозных, социальных и политических групп. Но все предыдущие случаи резни всегда имели связь с проявлениями сравнительно конкретных политических, экономических или социальных амбиций: захвата чуждой частной собственности или территории, роста могущества другой группы, искоренения верований конкурирующей группы, получения финансовых долгов или просто устрашения. Это применимо даже к эпохе создания Монгольской империи армиями Чингисхана. Они часто начинали захват новых земель с полного уничтожения населения первого захваченного города. Это делалось для того, чтобы другие города шли на сотрудничество с захватчиками: платили налоги, соглашались отдавать в рабство своих сыновей.

Гуревич П. Джон Сол отмечает, что Гитлер поступал иначе. Он устроил первое абсолютно немотивированное массовое убийство в истории человечества. Причиной этого не было сумасшествие, хотя отдельные исполнители и были клинически больны. И это не было только следствием традиционного антисемитизма. Это больше походило на глубокую панику мира, лишённого логики, вследствие чего преступники утратили способность понимать, на что у человека есть право, а на что — нет. Холокост был подкреплён абсолютно рациональной аргументацией, поскольку разум стал самооправдывающим и герметично закрытым. Поэтому нет ничего удивительного в том, что встреча, на которой было принято «окончательное решение», была, прежде всего, собранием ведущих министров, технократов. Неудивительно и то, что эта конференция в Ванзее продолжалась только час — для присутствующих это было всего лишь очередное из множества других

совещаний — и превратилось в обсуждение форм выполнения поставленной задачи. Систематический, научный подход, с которым те методы были впоследствии применены, были охарактеризованы как симптом сумасшествия или буйного помешательства и сброшен со счетов как часть явления, названного банальностью зла. Резней действительно управляли, причем весьма умело. Это был чистый профессионализм в духе социологического исследования Гарварда.

Гусейнов А. Говоря о тираниях XX века, я бы не стал возводить их к европейскому рационализму, рассматривать их как свидетельство бездушия последнего. И более того — не стал бы утверждать, что в них был какой-то разум. Да, эти тирании были методичны, упорядочены, бессердечно рассудочны. Они вполне овладели технологиями промышленной эпохи. Но разума в них не было. Злоупотребление рационализмом не есть рационализм. Так же, например, как нарост на теле не есть само тело в его норме. В моем представлении понятия разума, науки, научного подхода изначально и по существу имеют гуманистическую направленность. Поэт был прав, говоря, что гений и злодейство — две вещи несовместные. Да и сами выражения «злой ум», «злой гений», по сути дела, фиксируют, что ум и гений используется не по назначению.

Луков В. Это почти оксюморон, вроде «благородный преступник».

Гусейнов А. Еще пару слов о банальности зла. Это понятие, насколько я могу судить, введено не для оправдания нацистского зла, в частности, холокоста, и не для того, чтобы поставить под сомнение его чудовищность. Его значение иное: показать, что оно не является порождением особых людей-чудовищ и совершалось оно не в качестве каких-то экстраординарных действий, а самым будничным образом, что оно таится в человеке и современном образе жизни и в этом смысле есть нечто более страшное, чем если бы оно было каким-то дьявольским делом. Хочу сослаться на поразивший мое воображение пример. В 70-е годы наши службы по поиску фашистских преступников нашли в каком-то сибирском городе женщину, которая была пособницей фашистских палачей, совместно с ними принимала участие в расстрелах. Ко времени разоблачения она работала, была замужем, имела двоих детей, вела обычную жизнь обычного человека, пользовалась уважением соседей и сослуживцев. Никто из ее окружения, ни, тем более, ее муж и дети не могли поверить в то, что она была фашистским палачом. И не попади она в жернова войны, она прожила бы нормальную спокойную жизнь, пребывая в иллюзии, что предательства и убийства — это не про нее. Банальность зла заключается именно в том, что оно легко внедряется в человеческую жизнь, соседствуя с обычными, совсем не злыми делами. Она, банальность зла, является опорой массовых преступлений тиранов и запрещает списывать эти преступления только на них самих и их ближайших сподвижников.

Луков В. Для резни холокоста не существовало никаких практических причин. В результате не была даже приобретена какая-либо собственность, поскольку все уже было конфисковано. Не было необходимости отстоять какую-либо территорию. С финансовой точки зрения убийства были

затратными: нацистская Германия уничтожала рабское население, которое можно было использовать на производстве, а мужчины арийского происхождения были отправлены на фронт. Иудаизм ни в коей мере не был конкурирующей религией, так как в нем не поощряется прозелитизм. Эти убийства не увеличивали мощь Германии. И даже для других это не могло служить примером. Кроме того, все это держалось в тайне. Холокост — сочетание чистой логики и рационального исполнения — был порождением брака между двумя ключевыми составляющими разума: Героем и технократом. Сводить все к неменяемости или к банальности зла в современном технологическом обществе — значит совершать грубую ошибку. И если мы надеялись, что негативные последствия этого брака были полностью уничтожены после разоблачения и устранения Гитлера, то события последующих шестидесяти лет доказали, что это совершенно не так.

Гуревич П. Наполеоновская мечта в нашем воображении сегодня сильна как никогда. Моральное осуждение Гитлера постепенно выветривается из людской памяти. Через полвека мы можем оказаться под грузом еще одной чудовищной мечты о чистом величии, которое необходимо, чтобы соответствовать этому Императору. Мы полагаем, что отвергли все мечты о верховных лидерах и о сильном правительстве. И все речи даже самого незначительного министра почтовой службы пестрят наполеоновскими высказываниями о силе и эффективности. Появление политических лидеров в обществе организуют в стиле, сопоставимом с наполеоновскими триумфами. И наша терпимость как к диктатуре, так и к насилию, никогда не была столь велика, как сейчас. Список наших друзей и союзников во всем мире за прошедшие сорок лет пополнился удивительной коллекцией массовых убийц, торговцев наркотиками и заправских палачей. Даже красные кхмеры были повторно допущены в международное сообщество без особых затруднений под предлогом решения относительно мелкой юридической проблемы. «Цель пыток — получение ответа» — этот лозунг красные кхмеры повесили в тюрьме Туол Сленг в Пномпене, главном центре допросов, где погибли тысячи людей. Можно подумать, что эта мысль — результат западного рационального образования. «Если и есть Бог, — восклицал Ницше, — то как человек мог вынести это и не стать Богом?» Луков В. Создается впечатление, что наше общество постепенно превращается в свою противоположность. На такой высокой стадии развития элиты сконцентрировали в своих руках силу, которая позволяет им изменять вектор развития общества. Они способны делать одно, а говорить совсем другое. Заверяя всех в своей привязанности к капитализму, конкуренции и заслуженному успеху, они стремятся к хорошо оплаченной карьере служащего, не слишком обремененного обязанностями. Текстура мифологии правящей элиты настолько плотна, что за этим интеллектуальным и эмоциональным камуфляжем трудно угадать реальную жизнь.

Гуревич П. Вождизм стал зависеть в основном от популярности политика. В конце 1970-х годов несколько политических деятелей вдруг начали выставлять напоказ зубы, тщательно растягивая и фиксируя верхнюю и нижнюю губы, одновременно приподняв их концы, чтобы все увидели, что они

пока еще не выпали. Это нелепое выражение лица не имело никакого отношения ни к индивидуальности, ни к политике. Но камеры это передавали, подчеркивая звездный имидж. Внезапно улыбка стала настолько важной, что Франсуа Миттерану, тогдашнему президенту, который уже в течение сорока лет занимался политикой, спилили резцы, чтобы он мог показывать публике свои зубы, не становясь при этом похожим на вампира.

Луков В. Мне кажется, что победное шествие «голливудской улыбки» по демократическим государствам было важным показателем. Цель общественных деятелей, обладавших властью в XIX и в начале XX века, состояла в том, чтобы дистанцироваться от королей и их дворов, которых постепенно стали больше идентифицировать с их известностью, чем с их властью. Короли были очаровательны — они улыбались. Новые рациональные демократы были серьезны, они не улыбались. Сжатые губы были символом их преданности общественному служению, в то время как звезды унаследовали очарование и открытую улыбку королей. Через полтора века представители власти вдруг устали от рассудительного, умного выражения лица. И хотя власть все еще находилась в их руках, уже не оставалось сомнений, кому именно они подражали.

Гуревич П. Общественные деятели начали приобретать все больше черт звезд; большинство этих черт поверхностны, если не фальшивы. Спустя несколько месяцев после американских президентских выборов 1984 года Джеральдин Ферраро, первая и поэтому вошедшая в историю женщина-кандидат на пост вице-президента, стала использовать свою популярность, рекламируя пепси-колу. А на обложке глянцевого журнала в 1989 году канадский министр финансов Майкл Уилсон был изображен в смокинге вместе с кино-звездой в черном вечернем платье без бретелек. Она возлежала на высокой скамье почти на уровне его плеч и одной рукой щекотала подбородок министра. Ее губы были выдвинуты; ее лобок смотрел прямо в объектив. Казалось, что ее снимали для разворота «Playboy». В статье, иллюстрация к которой была вынесена на обложку журнала, писалось о рождественских подарках. Уилсон хотел получить коньяк, пальто из кашемира, дорогую ручку и ноутбук за девять тысяч долларов. Статья появилась одновременно с предложениями Уилсона по изменению ставки налога с продаж, которые вели к серьезному ухудшению финансового положения малообеспеченных граждан.

Луков В. Настоящих звезд становится все больше, политики начинают вести себя подобно звездам, а звезды участвуют в общественной жизни. В конце концов, если видимость — это то, в чем нуждается структура новостей, то профессиональные звезды — это профессионалы в создании видимости новостей, в то время как политические деятели — не более чем способные любители. Министр приглашает группу журналистов в шахту. Он надевает шахтерскую каску, спускается под землю, фотографируется, потом появляется наверху, чтобы сделать пустое заявление о добывающей промышленности. Иными словами, министр сочетает первую категорию — рациональную пропаганду — с третьей категорией — участием в пародии. Авария на шахте, пожалуй, была бы еще лучше для министра, который знает, как использовать в

своих интересах вторую категорию — чрезвычайность происшествия. Полет над лесными пожарами или землетрясениями посещение больных, заполненных жертвами, и похорон после бедствий — это часть метафорического искажения связей с общественностью, в которых избранный чиновник исполняет воображаемую ведущую роль.

Гуревич П. Возвышение посредственности до уровня общественной добродетели породило лидеров, которые не были интеллектуалами, но обладали некоторым талантом исполнителя. Они знали, как производить впечатление людей решительных или хорошо осведомленных, или умеющих отдавать команды. Некоторые, как Маргарет Тэтчер, фактически были технократами, хотя она сама скрывала это, избрав своеобразную, резкую манеру поведения. С непоколебимым упорством она в течение почти десяти лет боролась с инфляцией, но после этого инфляция в Англии была выше, чем в почти социалистических европейских странах, где эта борьба не велась. Ее «звездные» черты были столь ярко выражены, что никто не замечал ничего, кроме ее жесткости, которая затмевала ее оригинальность и изобретательность. Ее антиинфляционные меры ограничивались стандартными методами, которые ранее безуспешно уже использовали технократы типа Валери Жискар Эстена, к которому она, говорят, испытывала презрение. Но тогда ее сражения мало напоминали реальные, они были больше похожи на театральный вариант.

Гусейнов А. Публичное поведение государственных деятелей, так называемых первых лиц, выстроенное по модели поп-звезд, очень показательно именно в контексте обсуждаемой нами темы. Оно говорит о том, что они страшно далеки от того, чтобы быть вождями, действительными национальными лидерами, их лидерство в значительной мере является виртуальным, авторитет мнимым. Диктатор не будет каждый день мелькать в новостных программах и изрекать банальности на всю страну. Кстати сказать, уже по одному этому признаку можно заключить, что упреки в адрес российских лидеров в авторитарных тенденциях являются надуманными. Отношения вождя и массы — интересная и отнюдь не тривиальная тема. Но одно несомненно: вождь — не поп-звезда, он никогда не будет заискивать перед массой. Он будет организовывать массу, вдохновлять ее, вести вперед, дисциплинировать, погонять, наказывать, но только не заискивать, не тратить время и усилия на то, чтобы понравиться ей.

Луков В. Правда заключается в том, что становится все больше политических деятелей ниже среднего уровня, занимающих самые высокие властные позиции, с которых можно выдавать ясные указания. Иллюзия, которую они создают, является копией иллюзии актера Рейгана. В поисках реальной власти они должны изображать из себя людей, которые делают вид, что они реальны. Канцлер Германии, лидеры двух ведущих партий в Великобритании в избирательной кампании 1992 года, премьер-министры Канады и Новой Зеландии — все они не блистали интеллектом. Они меняли свои убеждения с легкостью людей, доверяющих лицам, проводящим опросы общественного мнения. Они описывают эти мимолетные представления заученными формулировками. Их лексикон состоит из заученных фраз. И они

ведут себя так, чтобы как можно больше походить на актеров из второсортных фильмов. Иными словами, после периода, когда технократы попытались стать звездами, а звезды — политическими деятелями, политическая пустота была заполнена посредственностями, которые могут легко овладеть техникой звезд, изображать безобидных людей и овладеть достаточным объемом рационального словаря, чтобы издавать звуки компетентности. Сегодня стало трюизмом, что мифологические фигуры и властители не должны думать публично.

Гуревич П. В наши дни главное направление «пиара» действующего президента — молодежная политика, строительство детских садов и модернизация российской экономики. Для Путина — пиар иной. Любовь и внимание к животным и проблемы Военно-промышленного комплекса. Только за последнее время он закрепил радиомаяк на дельфине, выпустил из клетки в сочинском лесу двух туркменских леопардов, надел радиомаяк усыпленному белому медведю на Земле Франца Иосифа. И вновь в сочинском лесу выпустил из клетки самку леопарда. На этот раз — из Ирана. Да еще гарцевал верхом на лошади где-то в Алтайских горах.

Луков В. Вождизм, мне думается, — феномен любого целевого объединения людей в стадии высокого напряжения его сил, когда внешние угрозы становятся слишком опасными для его сохранения и развития. В этом смысле это универсальный путь преодоления трудных времен. В архаических обществах с их постоянной враждой против соседей и ориентацией на военную организацию вождизм естественным образом институционализируется как залог самосохранения общественного целого. Здесь работают биотические факторы поддержания жизнеспособности социального организма — те же самые, что действуют в системе жизнеобеспечения коллективных животных.

Гуревич П. Вы хотите подчеркнуть, что в социумах такого типа авторитарность не нуждается в специальном идеологическом подкреплении? Так, да? А в условиях кризиса?

**Какое влияние оказал мировой кризис на тему вождизма?
Можно ли полагать, что политическая тирания вырастает
на базе авторитарных философских идей?**

Луков В. Кризис кое-что приоткрыл в новых вождях. В этом его полезность для общественного мнения. В том смысле, что в сконструированные имиджи привнесена жизнь. У Троцкого (снова обращусь к его текстам, так уж получается) нахожу «параллельное место»: «Если бы развернуть на экране самую из блестящих побед Наполеона, то кинематографическая лента показала бы нам наряду с гениальностью, размахом, находчивостью, героизмом также и нерешительность отдельных маршалов, и путаницу генералов, не умеющих читать карту, и тупость офицеров, и панику целых отрядов, вплоть до расстроенных от страха кишечников. Этот реалистический документ свидетельствовал бы только, что армия Наполеона состояла не из автоматов легенды, а из живых французов, воспитавшихся на переломе двух веков. И

картина человеческих слабостей только ярче подчеркивала бы грандиозность целого» (заметим, Троцкий здесь пересказывает «Войну и мир»). Так вот и в наши дни «вожди» несколько поблекли, когда их советники — «великие экономисты» признались, что всю дорогу ошибались. Но лидеры ведущих мировых держав вышли из драматической для миллионов людей ситуации даже не без изящества. И вновь «картина человеческих слабостей» подчеркнула «грандиозность целого». Кризис, правда, продолжается, но зачем возвращаться вспять и вещать о неприятном? Это как ЕГЭ: педагогический мир, родители, школьники кричат о возникших в образовании проблемах, а первые лица страны уверяют: практика показала, что все идет прекрасно. Прямо как стоики говорили, а Вольтер повторил за ними: «Все хорошо и нет никакой надежды на лучшее».

Гусейнов А. В так называемом мировом экономическом кризисе я лично мало что понял. Экономисты, которых случалось читать в СМИ, тоже ничего не смогли объяснить. О кризисе много говорили, в особенности высшие руководители и финансисты. Но в жизни, имея в виду себя? близких, знакомых, я с ним не сталкивался. У меня даже зародились сомнения, а не была ли это грандиозная афера? Я никак не могу понять тот факт, что в самый пик кризиса в нашей стране удвоилось число миллиардеров. Сообщают, что в 2009 кризисном году на отдых выехало больше россиян, чем раньше. Или другое наблюдение: в период кризиса США смогли консолидировать втянутые в их экономическую орбиту страны вокруг геополитических битв, которые они ведут в Афганистане, вокруг Ирана. Тут что-то не то. В любом случае, если кризис и был реальным, то он не потребовал никаких экстраординарных мобилизационных мер и не привел к усилению авторитарных тенденций. Не считать же такими мерами саммиты восьмерок и двадцаток, а такими тенденциями — полудемагогический моральный нажим на топ-менеджеров, чтобы они умилили рост своих бонусов?! Вообще надо заметить, что глобализационные процессы, как и развитие стран, являющихся лидерами глобализации, происходят методично, по логике хорошо отлаженных механизмов, сами сбои которых (наподобие кризисов или цветных революций) оказываются заранее предусмотренными и управляемыми моментами их работы. Здесь нет вождей, героев, нет ярких индивидуальностей. Кто-то (кажется, Бертольд Брехт) сказал, что счастлив народ, у которого существуют герои, но еще более счастлив тот народ, который не нуждается в героях. Боюсь, что это утверждение в обеих его частях — не про нас, не про сегодняшний мир и не про сегодняшнюю Россию.

Гуревич П. Но коли в феномене мирового кризиса скрыта какая-то обманка, то может быть, стоит в заключение нашего обсуждения обменяться мнениями и по поводу ответственности философии во всем, что происходит вокруг. Действительно ли, тирания возникает на базе авторитарных философских идей?

Гусейнов А. Честно признаться, я не очень понимаю, что означает выражение «авторитарные философские идеи»? Философия, за исключением, быть может, скептических школ, всегда авторитарна.

Гуревич П. Извините, Салам Керимович, я вас прерву. Я согласен с вашей мыслью. Но в Нижнем Новгороде сегодня эта тема обсуждается с очевидной запальчивостью. Профессор Владимир Александрович Кутырев написал в своей книге «Бытие или ничто»: «философия тоталитарна. Как всякая любовь». Ему возразил профессор Алексей Николаевич Фатенков. Он сказал: «философия, как именно не всякая любовь, не по ту, а про эту сторону свободы». Разумеется, в трудах любого мыслителя всех времен и народов, кроме общих озарений, есть непереносимое желание еще раз, уже на основе собственных раздумий, понять, что такое философия и какова она? Здесь два мнения, они противоположны. Но точно ли, что одно исключает другое? Философия — это авантюра ума. Ее, как известно от Платона, создает не толпа, а никем и ничем не повязанный мыслитель. Но в ней есть и авторитарность, принудительность. Это тоже бесспорно. Нельзя стать философом, не выработав непреложной дисциплины ума, не подчинив себя логике ответственного размышления. Опыт социальной философии Платона, который хотел поставить философов во главе государства, давно убедил нас в том, что последовательно продуманная мысль грешит авторитарностью. Философия — женского рода. Поэтому она авторитарна, не терпит совместительства, а, тем более, равнодушного к себе отношения.

Гусейнов А. Если под авторитарными философскими идеями подразумевать культ сильной личности типа ницшеанского сверхчеловека, то его связь с политическим бонапартизмом очевидна. Это такое сужение вопроса, которое искажает масштаб проблемы. Более интересно и остро было бы поставить вопрос о связи философии в целом с политикой вождизма. Вообще связь философии и политики — большая, сложная и, в высшей степени, замечательная тема.

Гуревич П. Но обойти связь философии и тирании нам, видимо, не удастся. В начале беседы я сказал об авторитетном во Франции течении «новых философов». Оно считает, что такие «господа-мыслители», как Фихте, Гегель, Маркс, Ницше, виновны во многих бедах прошлых столетий, поскольку их идеи имели тоталитарную обязательность. Используя принципы и терминологию представителей структурализма и постструктурализма (М.Фуко, Ж.Лакан, Ж.Деррида), Глюксман рассматривает историю как реализацию идей, выраженных в «текстах» великих мыслителей и созданных как «дискурс Властителя» для достижения господства. Любая идеология активизма (преобразования общества) оценивается как «социодицея» (по аналогии с теодицеей), то есть как теоретическая попытка примирить модель общества и ее реальное изменение на «благих» и «разумных» началах с фактом сохранения социальной несправедливости.

Гусейнов А. Даже при поверхностном взгляде на историю мы можем зафиксировать, что выдающиеся политики, политики исторического масштаба, всегда были равнодушны к философии, часто сами пытались философствовать. Обратите внимание: даже самые маленькие вожди создают свои учения и книги — идеи чучхе Ким Ир Сена, «Зеленая книга» Кадафи, «Рухнаме» Туркменбаши. Точно так же великие философы, как правило,

тянулись к политике. Это наблюдение настолько верно, что можно вывести даже эмпирическую закономерность: если политик не имеет интереса к философии, а философ не тянется к политике, то ни тот, ни другой не являются великими. Философское творчество связано с политическим творчеством, находит в нем свое выражение и продолжение. Дело в том, что философия — не только род познания, она является также определенным образом жизни. Философия доводит познание мира до формулирования моделей его преобразования, усовершенствования. И совсем не случайно первый великий систематизатор философии Платон был автором первой грандиозной утопии. Философия, создавая идеал совершенного человека и общества, как бы требует своего продолжения в моральной и политической практиках. Что касается политики, то в той части, в какой она является творчеством новых форм общественного устройства, целенаправленного и решительного преобразования существующих государственных порядков, она нуждается в идеально-философских теориях, способных ориентировать такую деятельность. Конечно, можно в каком-то расширительном смысле сказать, что на философии лежит косвенная и невольная вина за злоупотребление ею в политике. Она «виновна» тем, что допускает, позволяет придавать таким злоупотреблениям правдоподобный вид. Это приблизительно так, как кухонный нож можно считать «виновным» в том, что его использовали в качестве орудия убийства. С другой стороны, и политика, в том числе, как правило, тогда, когда она приобретала волюнтаристский вид и рядилась в философские одежды, грешила против философии и философов. Философию часто запрещали, философов изгоняли, казнили. Возникает вопрос: что можно сделать, чтобы блокировать, а если нет, то хотя бы минимизировать взаимные злоупотребления между философией и политикой? Одно из средств, на мой взгляд, состоит в том, чтобы они находились в постоянном диалоге между собой. Для здорового состояния общества философская критика политической практики так же необходима, как и пристрастно-публичный анализ философских рецептов в их соотнесенности с политической практикой.

Гуревич П. Обсуждение показало, что философия вождизма — самостоятельный и крайне интересный блок философских знаний. Эрих Фромм пытался доказать, что в патриархальных обществах не было вождей в привычном сегодня смысле слова. Он писал о дисперсии (растекании) власти. Однако современные культурфилософские исследования не подтверждают этой загадки. Властолюбие — феномен не только социальный, этический, культурологический. Догадки Ницше и Адлера о властолюбии как антропологическом явлении не лишены оснований. Не потому ли вполне нейтральное по своим истокам понятие харизмы утратило свой первоначальный смысл и стало своеобразным оправданием тиранства, цепкой и безудержной власти. Удалось ли современной философии освоить огромный пласт литературы, рожденный после второй мировой войны? Смогли ли диагносты и экзегеты власти, как они надеялись, поставить крест на повторном явлении тоталитаризма, доказывая его ущербность и недолговечность? Сумел ли постмодернизм, который как будто находится на излете, дать развернутую

феноменологию причин, ведущих к возрождению тоталитарного мышления и жесткой политической практики?

Мы подчеркивали, что вождь — это историческая эпоха, а не усредненный политический персонаж. Мы стремились выявить признаки тоталитаризма как сложного комплекса социальных слагаемых. Мы подчеркивали, что в России сегодня невозможно установить диктатуру, даже опираясь на идеологию модернизации. Однако нет ли резона в предостережении Артура Шопенгауэра, который считал, что очередная война начинается тотчас же, как подрастает новое поколение, не имевшее опыта бедствий и страданий? Стоит ли с академическим спокойствием ждать, когда сумма разрозненных факторов сложится в некий скорбный для человечества результат?

Салам Керимович не случайно говорил о возможных масштабных социально-исторических кризисах, чреватых тираническими мутациями. Не служит ли расхожая формула «плохая власть лучше, чем никакая» прикрытием для того, чтобы стреножить демократию? Благодушно взирая на курьезные проявления современного авторитаризма, не забываем ли мы исторические уроки, свидетельствующие о парадоксальных метаморфозах политической практики? Осознаем ли мы в полную силу тот факт, что современная политическая психология все чаще превращается в политическую патопсихологию?

Политическая практика рождает сегодня не только узурпаторов власти, но и опасную деформацию личностей, претендующих на роль поводырей человечества. Не грозит ли это новыми, пока неизвестными нам историческими катаклизмами? Политическая философия, как это очевидно, находится перед новыми вызовами.